

Собеседник

Соколов Василий Васильевич

Ведущий

Найденкин Михаил Сергеевич

Дата записи

Беседа записана 5 октября 2012 и опубликована 31 марта 2013.

Введение

Вторая беседа с доктором философских наук Василием Васильевичем Соколовым посвящена биографии философа 1920—1940-х годов: детство, переезд из родного села и жизнь у староверов, учеба в школе, первые книги и увлечение музыкой, переезд в Москву и учеба в ИФЛИ-МГУ. Рассказывает Василий Васильевич и о «проработке» на истфаке МГУ с последующим исключением из комсомола. Последняя книга Соколова называется «Философия как история философии». В беседе обозначено начало и формирование той специфически-философской, критической позиции, которая определила научные интересы автора, подвергла его судьбу и профессиональную карьеру опасности. Начало войны стало в определенном смысле спасением для Василия Васильевича, а с ним и для той линии в отечественной философии, которую он олицетворяет.

Детство в старообрядческой деревне. Увлечение музыкой

Василий Васильевич Соколов: Развожу руками: нету истории рода. Биографии родителей не знаю. В течение тех немногих лет, что я с ними прожил... Крестьянское семейство, отец работал известным кузнецом и хорошим мастером, между прочим. Его отец, дед по отцу, умер до моего рождения.

Михаил Сергеевич Найденкин: То есть вы его не видели?

В.С.: Да, до моего рождения.

М.Н.: Расскажите ваши воспоминания первые о вашей [семье]. То, что вы знаете о вашей семье, о ваших родителях.

В.С.: Вы знаете, когда мне было 2 с лишним года или 3, по-моему, в 22-ом году голодные времена ведь продолжались, семейство поехало. Гражданская война только кончилась. Наше место рождения — это Тульская губерния, Епифанский уезд. Поехали в теплушках вот в этих, в поездах. В Сибирь, а конкретно, через Челябинск, потом по Оби до города Камень-на-Оби. В общем, попали к староверам.

М.Н.: А кто ехал, Василий Васильевич?

В.С.: Еще кто-то, кроме нашего семейства.

М.Н.: А в вашем семействе кто ехал?

В.С.: А в нашем семействе было: первые две сестры, была еще сестренка, мне говорили, умершая в детстве, потом я, потом еще брат, моложе на три года. Нет, он родился там уже. Погиб в Отечественную войну. Может, еще кто-то был, потому что это не единичное семейство. Мы возвращались потом оттуда на лошадях, через весь Казахстан, целая группа, но это уже 24-й год.

М.Н.: А сколько вам было лет в 22-м году, когда вы поехали?

В.С.: Порядка трех лет.

М.Н.: То есть вы 19-го года рождения?

В.С.: Да. Я мальчишка был шустрый. Беженцев встречали хорошо, особенно вот эти старообрядцы, люди религиозные. Беженцы, несчастные же. Вот мне рассказывали, да я вроде и помню, 3 года... В каком-то селе нас сажают, стол накрывают. И я усвоил слова: «Гости, садитесь. Товарищи, залезайте». Мать меня сзади дергает. «А что ты меня дергаешь? Это для нас». А в поезде помню, это редкое тогда лакомство... А я: «Черт, комиссар, давай сахару!» А сахар был — головы такие сахарные, рафинад (*показывает*). Может быть, где-то и был, но не знаю, у каких-нибудь богачей остался. И когда я уже вернулся и услышал, что существует сахарный песок. Я говорю: «Что, что? Как песок сахарный?» Я же только знал песок! «Да вот сахарный песок бывает». Это был младенческий шок. Головы рубили щипцами, и пили, [клали] в чай. Вот там-то прилично, это Алтайский край, туда доехали. Мы там прожили года два с половиной.

М.Н.: Это была старообрядческая деревня целая? Или семья?

В.С.: Вот, как раз были старообрядцы. Они жили богато, хотя... Все у них было. Справные дома, огромное количество меда у них. В горах вот эти ульи. Недостатка не знали ни в чем. Одежду они сами ткали. Это все натуральное хозяйство, у них-то в особенности.

И вот я впервые там, помню, уже года 4 мне было, услышал граммофон! Так меня поразило! Граммофон свой!

Сейчас их вообще, в музее, конечно, можно только найти. У меня уйма пластинок, прекрасных пластинок, а вот нет патефона. В 85-ом году или 86-ом я получил Ломоносовскую премию, и деньги

еще не одеревенели. Я купил приличный такой инструмент для проигрывания пластинок. Каким-то образом он у меня вышел из строя, и я не могу проигрывать пластинки. Что-то нужно делать, или по интернету можно добыть патефон. В числе этих пластинок есть, например, пластинка с Собиновым, нашим самым интересным, сильным, российским тенором. Лирический тенор, чистый. И там на одной стороне пластинки его запись арии Ленского. Это настолько восхитительно, настолько проникновенно, что никакой там Козловский, Лемешев в сравнении с ним не идут. Козловского-то он вывел в театр, он довольно старым умер в 62 года. Это был, по-моему, год чуть ли не 32-й. И, покидая сцену, мне рассказывали, я еще был мал, вывел Козловского как своего преемника.

М.Н.: Непосредственно.

В.С.: Да. Недавно запись была, когда везли на Новодевичье кладбище. Он возобновил, спектакль был, а Козловский лишь потом повторил его в концертном исполнении.

М.Н.: Василий Васильевич, у нас есть специалист, который мог бы посмотреть вашу технику.

В.С.: Да техники никакой нет. Как-то проскочило, успели записать, я не знаю как, уже 32-й год! «Лоэнгрин» он поставил. Он пел — это волшебство! Годов 30 тому, пока жив Козловский, была жива дочь Ленского. По воспоминаниям помню. У нас после революции ввели этих «народных артистов» России. Первый номер — Шаляпин. Второй номер — Ермолова, драматическая артистка, третий — Ленский. Дальше не помню. Дальше, понимаете, у нас в советских временах, в советской культуре... Ее особенность в том, что она, понимаете ли, девальвируется. Вот артисты. В 36-м году были более высокие звания. У кого оно сохранилось, вроде Кобзона, очень гордятся. И сначала-то были действительно большие артисты, но Шаляпин выехал и не вернулся, с него сняли звание народного артиста, он, конечно, это понимал. А тут уже Ленского не было, вот Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, Москвин, Леонидов. Но раз СССР, а не Россия, к ним прибавили Куляш Байсеитову, Литвиненко-Вольгемут. Артисты для республики что-то значили, а для России... Сейчас, ведь вы знаете, Метрополитен опера, может не только там, там исполняют оперы разные на языках, на которых они были написаны. Русский — тоже. Сначала переводили, сейчас просто. Когда «Кармен» смотришь, думаешь: «Это же по-русски». Так это же испанская опера! Но поют-то ее по-французски, Бизе же написал музыку-то к ней. Вот этот порядок блюли.

Учеба в деревенской и фабрично-заводской школе

М.Н.: Ваше увлечение музыкой появилось с того патефона?

В.С.: Да. Но насчет книг тоже. Книг-то на селе не было. Я научился читать, лет 6 мне было, по молитвеннику. И учился в деревенской школе. Закончил 4 класса. Их в шутку называют, хотя они тогда уже так не назывались, ЦПШ. Это до революции церковно-приходские школы. Мальчишка я был, наверно, подававший надежды. И, как ни трудно было, закончил я 4 класса. Родители договорились с родными в Москве, и меня перебросили к дяде по матери. Ох, это были времена. Это колхозные начались. Колхозы начались в 29-й – 30-е годы, это был как раз 30-й год. Голодное время, карточки. Дяде не давали карточки. Я же племянник, дают семейству. Мать в деревне оставалась, она крестьянка, потом колхозница, а отец...

М.Н.: Вернулись с Алтая?

В.С.: С Алтая вернулись в 25-м году.

М.Н.: А почему вернулись?

В.С.: Не знаю. Родина есть родина.

М.Н.: Вернулись туда же в Тульскую...

В.С.: Да! В свое село! И меня дразнили по деду, а я даже не знал, что его Шаньков... В деревнях тогда по фамилиям никого не называли, почти никого. Там прозвище, фамилия. Звучит также, что Соколов, что Шаньков. Почему?

М.Н.: А почему?

В.С.: Какое-то случайное было. Вы знаете, я вам напомним, маршал Блюхер, слышали о таком? Расстрелян был Сталиным, один из пяти маршалов. Почему он Блюхер, Василий Константинович? Оказывается, его дед в крепостные времена [был] помещиком. И его деда, под влиянием, наверное, в те времена битвы при Ватерлоо, где Наполеон, как известно, потерпел крах... А решающую роль сыграл не Веллингтон, хотя он устоял, помните, а ему на помощь продвигался Блюхер, а за Блюхером Наполеон пустил Груши. Груши его не догнал, главным образом поэтому Наполеон проиграл. Он еще приболел здесь, командовал Ней. Показывают фильмы. Есть фильм «Ватерлоо». Не знаю, видели вы. Наполеон лежит, температура у него, он говорит: «В атаку!» А Ней ведет. Он говорил: «Да что же он делает!» Он конницей на пехоту, которая в каре встала. А каре конницей не возьмешь. Уклонился. А тут поступил Блюхер, Веллингтон ждал, не видно было, кто идет. «Ну, если это войска Груши, то мне нужно сдаваться, переломают все кости». Потом смотрит — нет, это наш Блюхер. Блюхер прославился. И вот помещик этот, дед Василия Константиновича, он Блюхер. Закрепилось за ним, и он стал Блюхер, вот этот маршал. Маршал-то вроде не очень. По крайней мере, как вспоминает о нем Конюхов, служил у него на Дальнем Востоке. Особая дальневосточная армия, первая война была в 27-м году с маньчжурами. Китай собой ничего не представлял. Да. Вот там как раз Блюхер выдвинулся. Я уже не знаю, что... Но вот одна из его огромных... Он ликвидировал лучшие команды. Они, конечно, гениями не были. Сейчас вот коммунисты, сталинисты говорят: «О! Что он!»

В.В. Соколов — аспирант. 1944

М.Н.: О Сталине говорите?

В.С.: Да, о Сталине. «Что он, Тухачевский, какой гений?» Он не гений, это был специалист. И он, и Якир, и Егоров. А Сталин ставил тех, кто его лизал со Сталинграда, с Царицына, потом со Сталинграда, лизали его Ворошилов — болван, а Будённый — хороший конник. Ну, конник, он и не лез никуда. А вот в армии, как говорится, решала часто конница. «Тачанки-ростовчанки», пехота, конница. Танков-то у белых было немного, у нас почти не было самолетов. Эта война была во многом опереточная, в сущности. И белые могли бы взять верх. Ну, вы-то бы уж, конечно, не родились. История пошла иначе.

М.Н.: То есть вы, Василий Васильевич, вернувшись в деревню, были под двойной фамилией Шаньков-Соколов?

В.С.: Нет. «Шаньчонок» дразнили, но я сопротивлялся. А я не знал, что это такое.

М.Н.: То есть вы отстаивали Соколов свою фамилию?

В.С.: Да она и была, что же ее менять? Она наша. Там 5–6 семейств были.

М.Н.: По папе?

В.С.: Разумеется. По 5–6 семейств там были Соколовы. Шаньков — это прозвище. Они, тоже фамилиями звучали, но по-разному могли, вот вроде Блюхера, или как-то случайно. Да, деревни были полнокровными, село у нас было тысячи четыре жителей, а рядом было другое село, тоже акали. В этих местах вот три села говорят на «А». А три села: наше, соседнее село — Лебяжий усад, и еще одно село — Троица-Орловка, — окали, как на верхней Волге, во Владимирской, Нижегородской области, севернее. Если вы помните, вы может и помните, хотя уже, пожалуй... Суслов такой, вот он окал.

М.Н.: Идеолог.

В.С.: Да.

 Дразнили, но я сопротивлялся. Я отбивался камнями, кирпичом, помню, одному дал.

А вот в деревне, значит, перебросили к дяде сначала. Каждый год, каждый класс, я переходил от одного родственника к другому.

М.Н.: Почему так получалось? Кто решения принимал?

В.С.: Родители. Все-таки лишний человек. В каких условиях жили-то? Что такое квартира дяди? Это полый подвал. Он только что, года 2–3–4, перебрался, от колхоза спасаясь, в Москву. Захватили подвал.

М.Н.: Где находилась квартира?

В.С.: Это сейчас почти, можно сказать, центр. Это 4-я Тверская-Ямская. Тверская, а потом, параллельно Тверские-Ямские. Переименовали их, снова Тверская-Ямская первая. Ямщики когда-то ее использовали. И квартира эта представляла собой полый подвал. Свет все-таки туда проникал. Четыре комнаты — четыре семейства. Комната дяди — 14–15 метров, там 4 человека: он, двое детей, а я пятый. Представляете. Разумеется, туалет один, кухня единая. Примуса горят до ночи. И приняли меня в фабрично-заводскую школу.

М.Н.: Вам было сколько лет, Василий Васильевич?

В.С.: Мне уже было 12. Фабрично-заводская школа. Там учились, но, кажется, с шестого класса один день на производстве.

М.Н.: А где школа была? Где работали?

В.С.: А школы сейчас-то нет уже давно. Это тоже центр ведь, это напротив тогдашней Высшей партийной школы, а сейчас там прекрасное здание, построенное до революции Шанявским. Был Московский университет и Университет Шанявского, он, может быть, частный был. А потом вокруг него в советские времена построили Высшую партийную школу, а сейчас там РГГУ. Вот это место. А сбоку так, в уголке была как раз наша школа. На 3-й Миусской улице. Так я окончил пятый класс. Я был, по-видимому, достаточно способен, я пробился в первые ученики в этой группе. Пытался меня отец перевести, потом он погиб, но не в этом дело, перевести к своей сестре. Это был брат мамы. К своей сестре. Да, вот я там жил.

М.Н.: Тоже в Москве?

В.С.: Все в Москве. Школа одна, я бросать не хотел, уже сошелся с ребятами, но она далеко, в районе Крестовских переулков, сейчас я не знаю, называются ли они так. Это район Рижского вокзала. А ходил я в школу или пешком, или на буфере, на трамвае. Знаешь, что такое буфер?

М.Н.: Сзади подсаживались, вы имеете в виду?

В.С.: Да. Буфер, садись на него. Милиционеры сгоняли, конечно. Нужно было иметь 10 копеек, а у меня их не было. Ездил зайцем. Вот так или в вагоне все-таки прятались. Жизнь была все-таки либеральной. «Сопляк, чего там, без билета». Но не всегда возможно. Был переполнен трамвай-то, это был единственный вид транспорта. Лишь в 33-м году появился троллейбус, автобусы еще были, но их было немного. Автобусы, трамваи. Трамваев больше, все ездили трамваями. В седьмом классе опять вернулся к дяде, в восьмом классе к двоюродному брату, в девятом — у другой тети.

Об отце, книгах и увлечении историей

М.Н.: Вы сказали: «Отец погиб...»

В.С.: Он погиб, когда мне было 12 лет.

М.Н.: А что случилось, Василий Васильевич, с ним? 32-й год?

В.С.: Нет. Он был хорошим мастером. Не знаю, как он освоил такое сложное дело как лужение по серебру.

М.Н.: Это наследственное было?

В.С.: Да нет.

М.Н.: Сам освоил?

В.С.: Вот сам. Где, я не знаю. Войну он империалистическую воевал на турецком фронте. Сохранилась фотография. Тогда фотографии были редко. Есть две, три, четыре фотографии. Редкость же были, они были дорогие. У него была бригада. Он страдал запоем. Мне рассказывал дядя, другой, что, когда запой у него начинается, бригада рассыпается. Но мне говорила сестра, когда прибыл и встал на учет на биржу труда, то там нужно было стоять долго, а он назвал чуть ли не 12 специальностей, не знаю каких и как, но его взяли буквально через день. Вот эта работа. Это котлы для парфюмерной промышленности, там и серебро, и медь. И работал он, даже более того, вступил в кооператив, чтобы семейство перебросить в Москву. А что-то заплатили, но кооперативы прихлопнули где-нибудь в 32-м году... А некоторые, вот я знал одного профессора, он старше меня, у него прекрасная кооперативная квартира с тех пор в районе Красных ворот.

М.Н.: А это у кого, Василий Васильевич, если не секрет?

В.С.: Вряд ли вы помните. Это был Богуславский Вениамин Моисеевич. Он старше меня значительно. И это все признанные, они теперь уж не профессора. Вот отец, он увидел во мне: «Мальчишка шустрый, читать любит». И он сначала сам переехал из Петрушина нашего в Москву. Тут бригада образовалась. Да была тяга! НЭП был еще! Жили уже не столь голодные. И он, зная, что я любитель чтения, прислал мне ящик

большой с книгами. Были букинистические магазины. Книг, правда, не много, и вот там я запомнил только две книги. Томик Лермонтова, довольно растрепанный. Но Лермонтов стал моим первым поэтом. Много знал наизусть, читал регулярно матери.

Вторая книга сыграла в какой-то степени решающую роль. Это была довольно известная книга Александры Ишимовой.

Вы могли ее тоже читать. Ишимова переложила для детей «Историю государства Российского» Карамзина. И Пушкину она очень понравилась. Последнее, преддуэльное письмо Пушкина Ишимовой как раз содержит его благодарность, рецензию, похвалу: «Вы такую правильную, хорошую книгу...». Вот по ней я и изучал русскую историю, и знал ее. Знаете, я древо Рюриковичей наизусть рисовал (*смеется*). И вот, я в школе в этой уже... Нет, сначала в семилетке, заводская семилетка. А потом ее трансформировали, году в 34-м, по-моему, в десятилетку. Тут, кажется, я недавно читал, большую роль сыграл Жданов. Ведь гимназии исчезли, но все-таки после революции оставались какие-то школы гимназического типа, где учили преподаватели, сохранившиеся с тех времен, но они были почему-то девятилетками. Вот вы не знаете, вы уже не захватили его, Юрий Константинович Мельвиль, наш заведующий кафедрой. Он как раз учился в такой школе. В деревне, на селе были тоже девятилетки в районных центрах, назывались ШКМ — школы крестьянской молодежи. Тоже девятилетки, но от села нашего было очень далеко, поэтому я попал в Москву. Десятилетку я окончил. Учился, между прочим, из тех, что... Сейчас уже никого нет в живых. И в одной группе сидел на одной парте целый год, если не больше, с погибшим поэтом в войну — Павлом Коганом. Ну вот его знаменитая «Бригантина» и другие стихи. Убит был он на Кавказе. И не просто окончил, я ее окончил с аттестатом отличника.

М.Н.: Кто-то из преподавателей вам запомнился, Василий Васильевич?

В.С.: Конечно, конечно. Там уже у меня был первый конфликт, потому что я историю знал вот так, конкретно, а историю там преподавали, и не там только, а во всех школах, по Покровскому. Был такой историк-большевик, историк-вульгаризатор. И я взбеленился, что это не история, в таком духе. А было мне уже годов 14. Мария Ивановна Наврод, запомнил фамилию ее, берет за шиворот меня. Она, может, с Украины. Ведь колхозы вот так все перемешали во многом, а война, Вторая, тем более. К директору. Но умный был мужик, из рабочих поставлен. Как-то пожурил и спустил на тормоза. Но я одержал победу уже на следующий год, по-моему, в 9 классе. Было постановление, или точнее, это было даже не столько постановление, а замечание по истории Сталина, Кирова, Жданова, что история у нас преподается не правильно, социологизировано, нужна гражданская история. И оказалось, что я воевал за такую историю до их решения.

М.Н.: Вы, по сути, определили это решение (*смеется*).

В.С.: Да нет, это стихийно, понимаете? Возмутился тогда я, а она — коммунистка, правильно воспитана. Вот и я, таким образом, закончил отличником, только двое было нас в этом классе, а вторая только потому, что она была дочерью заведующей учебной частью. И колебался, историю я любил. Но я любил и географию, по-моему, в математике успевал достаточно. Пятерки преобладали.

М.Н.: А кто-то из дореволюционных учителей?

В.С.: Была у нас Вера Владимировна, фамилию не помню уже. Великолепно вела и так умела держать класс.

М.Н.: Что вела?

В.С.: Русский язык, литературу. В класс входила и наступала совершенная тишина. Примерно также Илья Матвеевич, не помню тоже фамилию. Физик. И, скажем, математик, Николай Федорович Островский. Конфликты у меня с ним были.

М.Н.: На какой же основе конфликты? У вас свое мнение?

В.С.: Неаккуратно писал. Математика — правильно.

М.Н.: Пропускали какие-то логические ходы?

В.С.: «Николай Федорович, все правильно!» — «Правильно, правильно, а куда вы единичку дели? Вон она у вас где! Это что же, знаете, искать ее нужно?» Снижал оценки. Была биологичка хорошая, вот это запомнил, Евгения Николаевна. Математику преподавал мужчина. А тут Вера Владимировна, у нее, по-видимому, муж был из белогвардейцев. 30-е годы же. Ее вот в десятом классе... Прислали другую.

М.Н.: Что с ней стало?

В.С.: Она немолодая уже была, а прислали аспирантку из ИФЛИ. Специалист по Блоку, Любовь Петровна Жак. Она нам объясняла, предки были какие-то французы. Вон у Мельвиля тоже предки французы по отцу. Имена их часто становились фамилиями. Вот она-то и сагитировала меня, но не только меня, из нашей группы 5 человек, включая Когана, поступили вот в этот самый Институт истории, философии и литературы, гуманитарный.

М.Н.: 5 человек?

В.С.: Пятеро, по-моему.

Коллективизация и раскулачивание

М.Н.: То есть школа была все-таки неплохая?

В.С.: Да, конечно, но, правда, лучше была школа 25-я образцовая, вот там, где учились и Светлана Сталина. Там 25 человек отличников! Это был первый выпуск. Золотых никаких медалей не было, это все после войны получали медали. Серебряные, золотые медали — я не знаю, когда их ввели. Но у меня, когда уже поступил и даже в школе, другой был конфликт. Ведь так политизировано было все. Политические всякие были уроки и историю так трактовали. Когана прорабатывали, он каялся, что переоценил Троцкого (*смеется*). Сталин, как известно, Троцкого ненавидел. А я увлекся Бухариным. Почему — не знаю. Может быть слухи какие-то дошли, что он был против колхозов. Да не был он против колхозов! Коган мне о нем что-то говорил. Словом, меня не приняли в комсомол как политически незрелого еще. А в пионерах я даже... в семье-то пионеров было раз, два и обчелся. «Пионеры юные, головы чугунные, руки оловянные, черти окаянные». Я тогда был таким окайным в селе. И был предводителем, я очень любил и колхозы приветствовал и прочее. И вот раскулачивают, как раз 29-й – 30-й год. В частности, сохранился какой-то отрубник, не в селе. Отрубники эти учреждены были, как помните, теперешним, так его прославляют сейчас. Памятник построили, нет еще, должны были построить напротив Белого дома... Сейчас я уже от старости имена... Вот кого застрелил Багров-то?

М.Н.: Столыпин.

В.С.: Столыпин. Столыпинский сохранился. Хорошо жил вообще один. Его, конечно, раскулачили. Взяли у него порядочную библиотеку. Сделали библиотеку в сельсовете, клуб был даже! Был клуб у нас!

М.Н.: Василий Васильевич, я хотел у вас спросить, а в вашей семье или в семье дяди потом отношение к религии какое было? Кто-то был верующий?

В.С.: К религии? Мать была верующая.

М.Н.: А отец?

В.С.: А отец, было не похоже, потому что помню, какой-то ход крестный, может быть, может в пасхальные дни, Пасху праздновали как! Из пушки стреляли, фейерверк. Но что-то мать ему говорит: «Что же, по-твоему, и бога нет?» — «А если бы он был, то коммунистов давно бы разогнал».

М.Н.: Ответил отец, да?

В.С.: Да. Он вот такой, да и много таких было. Мужиков я расспрашивал: «Как жили до революции?» Больше было отрицательных, конечно. Ведь мужики, понимаете, Ленина даже любили. Он рано умер. За что? Что он дал землю. Землю, за которую боролись, и на этом погорел Столыпин, но он все-таки кое-что успел сделать. Но ведь большевики-то были против единоличных хозяйств вообще. Но Ленин спер, как известно, сельскохозяйственную программу у эсеров. Эсеры — крестьянская партия, самая многочисленная. Большевиков было 50–60, ну 70 тысяч перед войной. А эсеров было сотни тысяч. А он взял и землю наделил, дал землю, хотя не его программа. Рабочий класс, которого в России было кот наплакал. Вы «Чапаева» смотрели?

М.Н.: Да, конечно.

В.С.: Фильм-то прекрасный, хотя он насквозь не соответствует совершенно тому, что представлял собой. Василий Иванович, может, и похож, и блестяще, гениально сыгран Бабочкиным. Но там я вспомнил, там есть один эпизод характерный. Эти братья Васильевы, режиссеры, они продуманно... Помните, крестьянин, играл его Чирков, такой артист был, вот во многих фильмах играл, в частности, до революции, главным образом. «Крутится вертится шар голубой» какое-то кино было. К тому же он был племянник Молотова, оказывается. А вот в фильме он задает вопрос: «Василий Иванович, ты за большевиков или за коммунистов?» Тут был подтекст. Мужик этот хитроватый вообще, он видит... Интуиция была. Большевики дали землю, а коммунисты ее отнимут. Так и произошло. Коммунисты ее отняли. Колхозы, сопротивление было огромное, но были уже репрессивные органы, и всякое такое... Тут очень трудно, понимаете? Рабочая сила была нужна в городах, в Москве было 2 миллиона населения тогда. Кому работать? Колхозы организовали, и началось массовое, с течением годов обезлюдивание деревни. Сейчас вот оно уже, может, закончилось. Хотя я вам скажу, что после войны, второй, колхозов еще было много. И я встречал демобилизованных: «Мы бы вернулись, только пускай колхозы... нам тут нечего делать, мы любим работать на селе, на земле — это наше».

М.Н.: А ваши сестры?

В.С.: Господи! Сестры кто как, работали где попало. На торфоразработках, няней была сестра средняя. У меня никого... Я хоть из грязи, ну в князи не попал, разумеется, не мог попасть, образование не было достаточного, да и в советское время...

М.Н.: Как звали сестер ваших?

В.С.: Одна — Мария, другая — Клавдия. Мария умерла в 89-м году, Клавдия еще раньше. Брат был — Иван — лейтенант. В 44-м году погиб уже в октябре 44-го года в Румынии. Похоронен в Клуже, в Трансильвании город такой — Клуж.

М.Н.: А еще одна сестра?

В.С.: Одна умерла в младенчестве, а вот эта Мария... Я приобрел дачу, перевез ее, у ней погиб муж, погиб брат, двое детей. И я там маленькую дачку приобрел и перевез ее туда.

М.Н.: Туда — это?

В.С.: Это недалеко, Загорянка. Я тут уже жил в Москве. Я в Москве живу с 80-го года. А первую квартиру вот в этом доме я получил лишь в 56-м году.

” За эти годы, не считая армии, 17 мест жительства сменил, включая вот эти переводы к родственникам, в общежития. 17 мест жительства!

Квартиры в те годы, это такое богатство! Давали начальству. Хотя жили-то они, разве их сравнишь? Жалко, я недавно, года 2–3, как-то оказался в школе. Я забыл, в особняке Толстого. Двухэтажный особняк. Господи! Сравнить их с теперешними, не только олигархами, даже меньше, это же особняк, двухэтажный,

деревянный, да еще газа-то и не было.

Учеба в университете, исключение из комсомола

М.Н.: Значит, вы не одобрили катастрофы в том, что... Вы были на каком курсе?

В.С.: В том-то и дело, что я учился на историческом, сначала русская история, колебался, потом античность, Средние века, закрепился, потом понял, что история — это не мое. Вот, я считаю, что кто всерьез занимается гуманитарными дисциплинами, он к философии приходит. Я перешел, на истфаке мне оставалось досдать некоторые предметы. А на философском много было: математика, физика, химия, биология, физиология органов чувств. Словом, для себя я записал вот это осуждение, назвал Молотова софистом.

М.Н.: Это в каком году вы это сделали?

В.С.: Это было... Записал-то я сразу после договора в 39-м году, значит, где-нибудь сентябрь-октябрь.

М.Н.: После пакта?

В.С.: Второго договора.

М.Н.: После второго договора Молотова-Риббентропа?

В.С.: Да.

М.Н.: Просто в личном дневнике вы записали?

В.С.: Конечно. Что же? Где-то уж, наверное, в мае перебрасывали с Суцевки на Стромынку. Я свой этот дневник забыл в столе.

М.Н.: В столе, в университете?

В.С.: Нет. В своем столе в общежитии. Забыл. Где-то в сентябре меня вызывают в комитет комсомола. Начинается допрос: «Как ты воспринимаешь...» Все комсомольцы были агитаторами. Я участвовал уже в первых выборах в Верховный Совет. Отвечаю я правильно, как надо, как положено. Дневник подбросили. Не говорили, кто. Согреппник, у него, кажется, отца арестовали, а в этих случаях нужно было оправдываться хоть как. Он принес этот дневник в комитет комсомола. И вот в процессе этого допроса: «А вот что ты писал в дневнике-то вот тут?» Вынимает дневник. Вот тут у меня сердце екнуло, я вспомнил, что написал.

М.Н.: Вы помните, что вы написали?

В.С.: Конечно, назвал речь Молотова сплошной софистикой, что им нужно было ликвидировать Польшу, что агрессор — не Германия, не Гитлер (Сталин ему, как известно, послал приветственную телеграмму). Начали прорабатывать и записали такое, это было тогда страшное: «Исключить из комсомола как двурушника и за осуждение решений партии по внешней политике».

Это была страшная формулировка. Но тут немножко она была смягчена временем. Времена не выбирают, в них живут и умирают.

Тут ежовщина. Вот сейчас Сталина, конечно, есть за что. Но вот эти массовые не просто аресты, а расстрелы, это не при Берии. На Берию клевета, во многом. У нас это было принято: Троцкий сначала был оклеветан при Сталине, а после Хрущёва — Берия. Берия из сталинских был самый дельный. Маленков говорил: «Надо из Германии уходить, никакого союза там не будет с ГДР», — вот в таком духе. И тогда его, когда его взяли, вот какой был! Видите, хотел покинуть Германию, он оказался совершенно

прав. Ничего с социализмом там не вышло (*смеется*). Что называется, как вы понимаете, меня стали воспитывать.

М.Н.: Это был какой курс, Василий Васильевич?

В.С.: На истфаке это был переход на пятый курс, а на философском факультете... Я сдавал больше за философский, там-то уж оставалось сделать мне дипломную работу, я не успел там сделать, на истфаке. Почему Ежов-то говорю, потому что пришел Берия. И тут уже столько наарестовал, столько нарасстреляли молодежи! Берия был привлечен... Он умнее, конечно. Ежов это фигура так, был карлик, еще ниже меня ростом на голову. Воспитывать молодежь, комсомол — для воспитания, зачем их исключать. И долго меня в этом духе. Тут уже Германия разгромила Францию, заняла Париж и прочее. «Вот не мог вынести, жалко». — «Вот, как ты не мог, а что ты? Так пишут враги». Проработки устроил, был такой Микулинский. Секретарь комитета комсомола. А участвовал мой сокурсник по истфаку Шелепин Саша. Потом он сделал карьеру большую, ну он парень-то был ничего. Вот есть книга политолога Млечина. Хорошие у него... Рекомендую вам его слушать. Он всегда очень точно и хорошо читает лекции. Я почему его вспомнил, потому что он опубликовал книгу о Шелепине. Что, вот если бы Брежнев не сумел [подавить] вот эту комсомольскую группу, которую возглавлял Шелепин... До того как Хрущёв его выдвинул на КГБ, он был генеральным секретарем комитета комсомола, первым секретарем. А Млечин говорит, что если бы не удалось это, то было бы куда как лучше, это «руководители новой формации...» Ну мы десятилетчики... Что было до нас, господи! Как учились! Словом, это уже в последующем. Шелепина... Жалко, что его сумел переиграть этот самый, не знаю, как его назвать. Больше позора, чем Брежнев, кажется, в руководстве не было, каждый награждал себя высшими военными наградами (*смеется*). Каждый год присваивал себе очередное звание, хотя в войну он был полковником, ну, перед самой войной ему дали генерал-майора. А воевать он не воевал, был начальником политотдела 18-ой армии, выдавал партбилеты, принимал в партию, оформлял. Старики вокруг него... Он же и просился, искренно, потому что понимал, что он уже в последние годы не может, а их он устраивал, там Устинова, других, Тихонова, устраивал, ну а что было...

М.Н.: Василий Васильевич, а если мы немножко восстановим хронологию, в каком году вы решили поступить в ИФЛИ?

В.С.: Я поступил в 36-м году, а должен был окончить в 41-м, не успел, отчасти перешел на философский, а на философском меня и исключили, правда, хоть и воспитывали, но все равно не сразу исключили, в апреле 41-го года в МГК открывал КСМ. Я думал, что не исключат, нет, исключили, с такой формулировкой. Меня спасла, в некотором смысле, война. Комсомольский билет отобрали. Не успели из института исключить. Судьба есть судьба. Бог ее знает. У нас большая группа студентов во главе с Микулинским была брошена строить под Смоленск, окопы, заграждения и прочее, ну я туда не попал, потому что был подмочен, но там ситуация развивалась так быстро, что вот этих землекопов, студентов стали мобилизовывать в армию. Их мобилизовали, Микулинского тоже, и он в плен попал (*смеется*).

М.Н.: Почему смеетесь, Василий Васильевич?

В.С.: Потому что я знаю какой он был карьерист. Ну его, не беспокойтесь, его там... Можно сказать — особое дело. Он выжил в плену — переписался то ли в русские, то ли в украинцы, хотя на лицо был совершенный еврей, и выжил. Он единственный вот так у нас в строй вошел, все там погибли, нет... И я попал в группу... Мы сразу записались добровольцами, правда все равно нас мобилизовали. Во-первых, первый день был такой, знаете, патриотический взрыв и вот эту группу добровольцев, может, еще кого-то, взяли в зенитный запасной артиллерийский полк. Зенитчиками мы должны были быть. Большая часть стала, но тут, когда немцы подошли, уже Волоколамск взяли, по-моему, тут сделали вот что: образовали противотанковые полки, а так как орудий еще не хватало, противотанковых, то, а у нас, в нашем взводе были орудия полуавтоматические «Бофорс».